

Зато остальные лица, игравшія съ княземъ, понравились Щепкину. Они, дѣйствительно „играли:“ одинъ изъ нихъ говорилъ такъ быстро и махалъ такъ сильно руками, какъ настоящій, заправскій актеръ. Но что дѣлается со Щепкинымъ? Онъ чувствуетъ въ груди сильное волненіе, онъ весь вливается глазами въ князя Мещерскаго. Онъ забываетъ, что передъ нимъ сцена. Ему кажется, что это—не князь: у князя Мещерскаго фигура, осанка, манера полны благородства, изящества, граціи; князь, наконецъ, красивъ и симпатиченъ. А это передъ нимъ какой-то отвратительный, противный скаредъ, дрожащій надъ деньгами, трепещущій передъ мыслью о смерти, которая можетъ его разлучить съ его золотомъ. Волненія и ужасы Салидара невольно сообщаются и душѣ зрителя, и Щепкинъ не можетъ спокойно слушать того, что говоритъ скупой. Въ этой пьесѣ, между прочимъ, у Салидара выманиваютъ посредствомъ обмана завѣщаніе. Надо было видѣть, что въ этотъ моментъ стало съ Салидаромъ! Щепкинъ страшно, не на шутку, испугался за него, забывъ, что это не дѣйствительность, а только игра актера.—„Онъ умретъ!“ съ ужасомъ думалъ молодой человѣкъ. До того естественно, правдиво изобразилъ князь скупого въ ту минуту, когда его, какъ ударомъ грома, поразило страшное извѣстіе, что у него пропадаютъ деньги,—деньги, ради которыхъ онъ жилъ, изъ-за которыхъ онъ столько мучился!

Пьеса кончилась. Всѣ были восхищены, смѣялись отъ удовольствія. А нашему юношѣ было не до смѣху. Все его существо было потрясено: его нервное возбужденіе разрѣшилось потокомъ слезъ.